

И. П. ПЕТРОВ

ТЕАТРЪ ДЯВЪЛЪ

И. П. ПЕТРОВ

И. П. ПЕТРОВ

Зрѣтиѣ проѣмаѣ про
кѣи зѣскаѣ

Перепечатки и заимствованія воспрещаются.
(Законъ 20-го Марта 1911 г.)

Отъ издательства.

Рукопись III-ей части „Театръ для себя“ была сдана авторомъ издательству совмѣстно съ 1-ой и 2-ой частями этой книги еще въ юнѣ 1915 г. Двухгодовая задержка съ выпускомъ въ свѣтъ этой послѣдней части труда Н. Н. Евреинова объясняется исключительными обстоятельствами переживаемаго времени (типографскими и т. п. затрудненіями) а также состояніемъ здоровья художника иллюстратора книги Н. И. Кульбина (+ 5 марта 1917).

Вышеизложенное привело также къ увеличенію цѣны 3-ей части изданія.

„ТЕАТРЪ ДЛѢ СЕБѢ“ КАКЪ ИСКУССТВО.

I.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ НА ВЗГЛЯДЪ ПОЗНАВШАГО ИСКУССТВО «ТЕАТРА ДЛѢ СЕБѢ».

(Изъ частной переписки).

Дорогая тетюшка,

принося сердечную благодарность за присланный Вами билетъ въ театръ, я снова принужденъ огорчить, какъ Васъ, такъ и себя, рѣшительнымъ отказомъ.

Я знаю, — мои постоянныя «увеливанья» отъ посѣщеній театра должны Вамъ à la longue показаться чѣмъ-то ненормальнымъ, если не нарочнымъ.

Но Богъ свидѣтель, что я такъ-же далекъ отъ душевнаго разстройства, какъ и отъ намѣренія своимъ «вѣчными» отказами пора-

Нѣтъ, тетя, я рѣшительно отказываюсь плѣнить Васъ въ роли мученика. Пусть меломанскій нямбъ минуетъ мою грѣшную голову! Не могу, не хочу, боюсь, не въ силахъ!...

Я понимаю театръ совсѣмъ по другому! И его, его, свой театръ, я люблю безмѣрно, несказанно ни на какомъ языкѣ!

—Какой такой свой театръ? спросите Вы, сдвинувъ брови. Расправьте ихъ,—потому что и Вы, милая тетушка, любите мой театръ, когда узнаете его. Да Вы ужъ и знаете его, знаете, только не знаете, что это театръ и что можно слѣлать изъ него всерадостпѣйшее искусство.

При встрѣчѣ объясню Вамъ все.

А пока скажу, какъ Бодларовскій чужестранецъ, отвергшій въ сердцѣ своемъ любовь къ матери, сестрѣ, брату, другу, родинѣ, красотѣ, славѣ и золоту,—

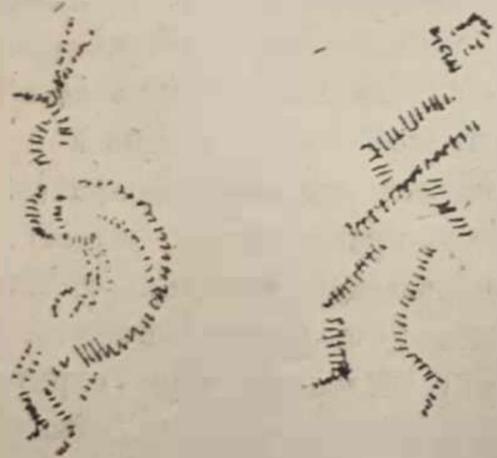
—Я люблю облака,—облаковъ вереницы,
Мимолетныя, полныя тайнъ и чудесъ—.

До скорого свиданья, дорогая тетушка, въ...моемъ театрѣ!

Любящій Васъ quand mѣme за Вашъ чудесный театральный пылъ племянникъ

Коля.

Р. С. Скажите, тетушка, вѣдь Вы сознательно, обдуманно, однимъ словомъ дѣйствительно предпочитаете ѣзду въ собственномъ экипажѣ ѣздѣ въ трамваѣ?!

II.

ОБЪ УСТРОЙСТВЪ «СПЕКТАКЛЕЙ ДЛЯ СЕБЯ».

(Проповѣдь индивидуальнаго театра).

1. *Theatrum extra habitum mea sponte.*

Не только интересно, но и чрезвычайно важно отмѣтить тотъ знаменательный фактъ, что человекъ, — это «соціальное животное», — на высшихъ ступеняхъ своего развитія проявляетъ явно *ассоциальную* тенденцію въ удовлетвореніи главнѣйшихъ изъ своихъ физическихъ и духовныхъ потребностей.

Въ то время, какъ въ начальной эволюціи человѣческаго общества соціальныи *интервал* знаменуетъ, торжествуя, явно-показательный прогрессъ, послѣдній со временемъ характеризуется какъ разъ обратнымъ: —соціальнымъ *дифференціаломъ*.

тому *из искусства понимает каждый лишь столько, сколько в нем самом есть что-нибудь истинное*.

Последняя часть этой книги, как уже известно читателю, удѣлена образцамъ пьесъ «театра для себя». Я постарался сообщить въ нихъ то существенное для инсценировки, что касается каждой изъ этихъ пьесъ въ отдѣльности. Общее же — страховочно-общее, — относящееся ко всѣмъ имъ вмѣстѣ и ко всѣмъ тѣмъ, какія вздумается сочинить читателю по ихъ подобію, высказано возможно исчерпывающее въ настоящей главѣ.

Казалось-бы, ничто намъ не мѣшаетъ перейти къ этимъ прихвѣрнымъ пьесамъ непосредственно...

И пусть поступитъ такъ нетерпѣливый.

Терпѣливый же (и я ручаюсь, — не посѣтуетъ онъ на свое терпѣнье!) задержится часокъ на вставку, которую угодно было авторскому самоуправію помѣстить между концомъ этой главы и первой изъ прихвѣрныхъ пьесъ «театра для себя».

III.

СУДЬ ПОНИМАЮЩИХЪ...

(Сонъ, настолько-же невѣроятный, насколько и поучительный).

Лишь въ блаженномъ снѣ видишь мертвыхъ и живыхъ вмѣстѣ здравствующими.

Лишь въ блаженномъ снѣ всѣ тебѣ друзья и во всѣхъ ты находишь поддержку.

Лишь въ блаженномъ снѣ почерпаешь увѣренность въ своей правотѣ даже отъ тѣхъ, кто смущаетъ и бранить тебя на яву.

Такой сонъ, несомнѣнно, награда Судьбы за ту уйму терзаній, которыя, мнится, всегдашній удѣлъ безконечно пытливыхъ умовъ, честныхъ шахтеровъ-мыслителей, настоящихъ искателей истины, потныхъ работниковъ на путяхъ откровенья.

Такой именно сонъ и приснился мнѣ, когда послѣднее изъ важнаго въ изслѣдованіи «театра для себя» было найдено мной и, обработанное, закрѣплено на бумагѣ.

Снилось, будто позднимъ вечеромъ собрались у меня (необычайно, какъ все, что мнѣ грезится!) Шопенгауэръ, Левъ Тол-

стой, Ницше, Т. Гофманъ, Оскаръ Уайльдъ, Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ и Аври Бергсонъ...

Пришли, получивъ мое приглашеніе пожаловать на интимную, судную бесѣду о влпгѣ «Театръ для себя», которую (снилось) я разослалъ имъ для ознакомленія вмѣстѣ съ книгой «Театръ, какъ таковой». Пришли они такъ просто, съ такой отзывчивостью во взорѣ, что я... (для меня пѣтъ ничего невозможнаго!) что я повѣрилъ ихъ приходу, какъ факту совершенно естественному... Поволновался, разумѣется, сначала (какъ ни какъ, а важные гости), но вскорѣ успокоился, представилъ политично незнакомыхъ другъ другу, предложилъ чай, папирсы, усадилъ всѣхъ поудобнѣе и потактичнѣе (въ строгой зависимости отъ ихъ взаимныхъ симпатій) и, обмѣнявшись,—ужъ не помню съ кѣмъ именно,—двумя—тремя фразами о вещахъ незначительныхъ и мало интересныхъ, ловко перешелъ къ главному предмету предстоявшей бесѣды.

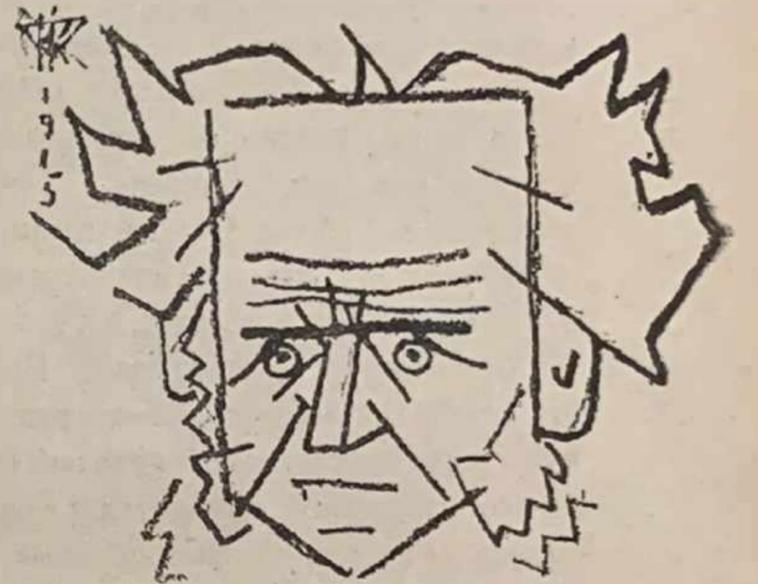
Неизмѣнный въ предпочтеніи театральнаго мастерства всякому другому, я позвакомлю читателя съ этой повстийѣ поучительной бесѣдой въ формѣ, наиболѣе близкой моему перу, а именно—драматической. При этомъ я не скрою отъ читателя, что кое-что при записи этой приснившейся бесѣды, для большей внятности, пришлось проредактировать, причемъ мной допущены въ этихъ цѣляхъ не только существенныя сокращенія, но и *существенныя дополненія*.

Итакъ, вотъ вамъ компетентно-судный colloquium о «театрѣ для себя», въ *моей* редакціи, но въ томъ порядкѣ, какой имѣлъ мѣсто во снѣ!

Первый, къ кому, твердо помнится, я обратился съ предложеніемъ высказаться по существу объединившаго насъ предмета, былъ Шопенгауэръ.

Почтенный старикъ не заставилъ ждать себя съ отвѣтомъ и вообще (къ слову сказать и кстати, чтобъ отдать ему должную справедливость) былъ весь вечеръ чрезвычайно обшительнъ; такъ сказать «въ ударѣ».

Шопенгауэръ. Объ идеѣ «театра для себя» скажу прежде всего, что кто исполнелъ созерцанія какой-нибудь идеи, тотъ правъ, выбирая *искусство* средствомъ для ея воплощенія. Правда, искусство по существу даетъ то-же, что и самый міръ явленій, но гораздо сосредоточеннѣе, полнѣе, сознательно и намѣренно, почему оно и можетъ въ полномъ смыслѣ слова быть названо «цвѣтомъ жизни». Творца его приковываетъ зрѣлище объективации воли, онъ отдается ему и не устаетъ созерцать его и воспроизводить въ своихъ изображеніяхъ, и *самъ несетъ тѣмъ временемъ издержки по постановкѣ этого зрѣлища*. Именно творческая воля ставитъ великую трагедію или комедію на свой собственный счетъ и является притомъ своей собственной зрительницей. (Послѣ паузы). Если весь міръ какъ представленіе — только видимость воли, то искусство уясненіе этой видимости, нѣкая пьеса въ пьесѣ, сцена на сценѣ въ «Гамлетѣ» (тотъ-же если хотите «театръ для себя»!) Известно, что духъ человѣка, не довольствуясь заботами, занятіями и тревоженіями, которыя налагаетъ на него дѣйствительный міръ, создаетъ себѣ еще міръ фантастическій, и этому міру воображенія отдается онъ *на всякіе лады* и расточаетъ на него свое время и силы, какъ только дѣйствительность предлагаетъ ему отдыхъ. Просто замѣчательно, даже изумительно, какъ человѣкъ, рядомъ со своей жизнью *in concreto*, всегда ведетъ еще другую жизнь—*in abstracto*.

Евреиновъ. Вотъ, вотъ! Я-бы хотѣлъ лишь театральпо упорядочить эту «другую жизнь», раздѣлить ее цѣлкомъ на праздники конечныхъ достиженій!—я говорю про воплощенье грезы...

Шопенгауэръ (смѣясь). Но имѣйте въ виду, что кто предается такой игрѣ—фантазеръ: картины, которыя тѣшатъ его въ одиночествѣ, онъ легко станетъ примѣшивать къ дѣйствительности и потому сдѣлается для нея непригоднымъ!

Евреиновъ. Это не такъ страшно во-первыхъ! А во-вторыхъ, я не теряю надежды, что...

Шопенгауэръ (подхватывая). Надежда, по опредѣленію Платона это *сонъ бодрствующаго*, такъ такъ сущность ея состоитъ въ томъ, что воля заставляетъ интеллектъ—своего слугу, когда тотъ не въ состояніи осуществить ея желаній, по крайней мѣрѣ, представлять ихъ въ видѣ образовъ, вообще заставляетъ его играть роль утѣшителя, который, подобно нянькѣ, забавляющей ребенка, обязавъ утѣшать своего господина связками, и притомъ такъ, чтобы онѣ имѣли подобіе дѣйствительности. Не теряйте-же, не теряйте надежды, если вы вѣрите Платону!

Оскаръ Уайльдъ (поправляя буффоньерку). Платонъ очарователенъ!...

Ницше (язвительно). Dionysiokolax, занятый mise en scene своей персоны!

Уайльдъ. Это вы обо мнѣ?

Ницше. О Платонѣ. Страстенъ, но безсердеченъ и *тетралло притворенъ*: таковы были греки, таковы были и ихъ философы, въ томъ числѣ и Платонъ. Не даромъ-же его любимая форма—драматическій діалогъ!

Уайльдъ. Но развѣ, какъ Dionysiokolax, Платонъ не очарователенъ? (Закуриваетъ папиросу).

Евреиновъ. О, несомнѣнно! Во всякомъ случаѣ очаровательнѣе, чѣмъ какъ предвосхититель, потому что... (Шопенгауэру на ухо) Peregant qui ante nos nostra dixerunt?

Шопенгауэръ (смѣясь). Peregant, peregant...

Евреиновъ (возвращаясь къ темѣ). И такъ мое безуміе, если таковымъ считать «непригодность для дѣйствительности», не такъ страшно?

Шопенгауэръ (шутливо). Напротивъ! — лестно, такъ какъ между гениемъ и безумнымъ какъ разъ то сходство, что оба живутъ совершенно въ другомъ мірѣ, чѣмъ всѣ остальные люди.

Евреиновъ. Это утѣшительно! Тѣмъ болѣе, что нашъ Бальмонтъ сказалъ: «прекрасно быть безумнымъ, ужасно — сумасшедшимъ».

Шопенгауэръ. Да, но не забудьте, что можно быть не гениемъ и не безумнымъ, а...

Евреиновъ. А?

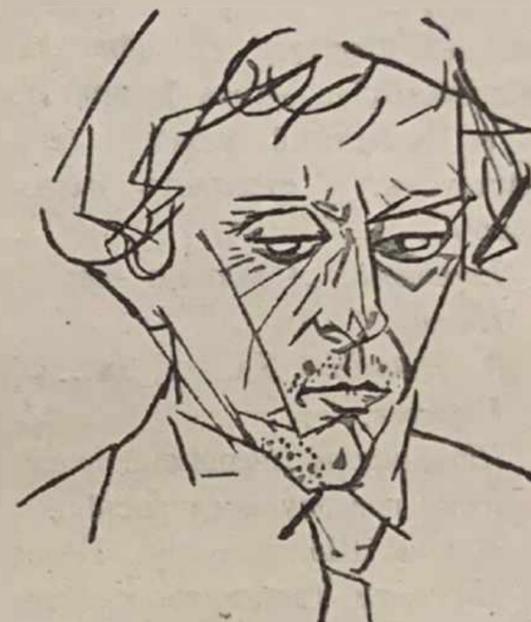
Шопенгауэръ. А только играть роль того или другого.

Евреиновъ. Вы противъ актерства?

Шопенгауэръ. Ну что вы! Хотя замѣчательно, что именно актерская профессія даетъ наибольшій контингентъ сумасшедшихъ!—эта вѣчная обязанность забывать самого себя, входя въ роль другого,—вы понимаете, какъ это легко ведетъ въ психіатрическую лечебницу?

Евреиновъ. All the world is a stage, and all the men and women the players on it.

Шопенгауэръ. Да, съ этой точки зрѣнія мнѣ нечего возразить!—Каждый человекъ, независимо отъ того, что онъ есть въ дѣйствительности и самъ по себѣ, долженъ играть извѣстную роль, которая назначена ему судьбой, поставившей его въ извѣстныя

Ницше (перебивая). Хорошо пессимистъ! отрицатель божества и міра, подтверждающій мораль и... играющій на флейтѣ! Да, да, ежедневно, послѣ обѣда; прочитайте объ этомъ у его біографа. Какъ? развѣ это собственно—пессимизмъ?

Шопенгауэръ (невозмутимо). Если безсмыслицы, какія намъ приходится выслушивать въ разговорѣ, начинаютъ сердить насъ, надо вообразить себѣ, что разыгрывается комическая сцена между двумя дураками; это—испытаннѣйшее средство.

Ницше. Очень остроумно, господинъ флейтистъ! vivat comedia! .. Нѣтъ, подумать только, что я пѣкогда обожалъ его философію свыше мѣры!...

Ерениковъ. Виноватъ, господа, но...

Ницше (не слушая). Поистинѣ бываетъ болтливость гнѣвная: часто ее встрѣчаемъ у Лютера, еще чаще у Шопенгауэра!...

Ерениковъ. Господа, мы отвлеклись отъ темы!

Ницше. Несколько, потому что я имѣю въ виду *проблему актера*! А она возникаетъ передо мной каждый разъ, какъ я вижу глупость моральнаго негодования, служащаго для философа признакомъ того, что его покинулъ философскій юморъ!... Это—страданье Шопенгауэра, его—привнесеніе себя въ жертву истинѣ—о, надо слышать все, что скрывается за его словами!—все это обнаруживаетъ то именно, что было въ немъ скрыто агитаторскаго и актерскаго!

Шопенгауэръ (про себя). Si tacuisses—philosophus mansisses!...

Ницше. Знайте, что *проблема актера* беспокоила меня больше всего!... Чистосердечная ложь; любовь къ притворству, вспыхивающая какъ спла, оттѣсняющая въ сторону такъ пазываемый «характеръ», затопляя его, иногда погашая внутреннее стремленіе къ роли и къ маскѣ, къ видности; избытокъ всякаго рода способностей къ приспособленію, не удовлетворяющихся уже службой только ближайшей, самой необходимой потребности: все это, можетъ быть, есть не только актеръ самъ по себѣ!... Такой инстинктъ постепенно дѣлаетъ человѣка способнымъ «надѣвать мантию для всякаго вѣтра», и самъ дѣлается почти мантией—образомъ того вѣчнаго воплощеннаго искусства игры въ прятки, которое у животныхъ носитъ названіе *timisgu*. Возьмите, напр. евреевъ, этотъ народъ, обладающій искусствомъ припроравливанія *rag excellence*! народъ, въ которомъ а-ргіогі можно видѣть всемірно-историческій источникъ актеровъ, настоящее средоточіе актеровъ! И точно!—развѣ не умѣстенъ въ настоящее время вопросъ: какой хорошей актеръ не-еврей?... Взглядъ человѣчества былъ до сихъ поръ слишкомъ тупъ, для того чтобы познать, что самые могущественные люди были великими актерами, а самые интересные и безумные періоды исторіи,—когда «актеры», всякаго рода актеры, были настоящими господами!... Уважайте актеровъ и ищите лучшихъ изъ нихъ даже и не на сценѣ!... помните, что лучшая маска, какую мы только можемъ надѣть, это наше собственное лицо! А всякій глубокой умъ нудается въ маскѣ! все глубокое любитъ маску! самая глубокая вещь питаютъ даже ненависть къ образу и подобію!...

Шопенгауэръ (не выдержавъ). Виноватъ, мой юный другъ, вы увлекаетесь!—Ираида, у каждаго человѣка есть врожденный талантъ путемъ мимики превращать свое лицо въ маску, весьма точно изображающую то, чѣмъ-бы онъ *долженъ* быть на самомъ дѣлѣ; маска эта, выкроенная исключительно по его индивидуальности, такъ точно прилажена, такъ подходитъ къ нему, что полу-

искусству «поставить на сцену» себя самого. Вотъ уже мысль, съ вершиной которой я охотно встрѣчаю вашу идею «театра для себя». Въ самомъ дѣлѣ!—въ человѣкѣ соединены твореніе и творецъ: въ человѣкѣ есть матеріалъ, обломки, излишекъ матеріала, глина, грязь, безуміе, хаосъ; но въ человѣкѣ есть также и творецъ, скульпторъ, твердость молота, божественность созерцающаго п седьмой день. Что мнѣ драма! Что мнѣ судороги ея обычныхъ экстазовъ, которымъ удивляется чернь! Что мнѣ всѣ актерскіе фокусы-покусы жестовъ! Я знаю, что въ театрѣ люди честны только въ массѣ—въ качествѣ отдѣльныхъ личностей они лгутъ и предъ другими, и предъ собою; идя въ театръ, оставляютъ самихъ себя дома, отказываются отъ права своего голоса и собственного сужденія, отъ своего вкуса, даже отъ своей храбрости, которую имѣютъ, сидя въ собственныхъ четырехъ стѣнахъ. Никто не приноситъ въ театръ самыхъ тонкихъ чертъ своего искусства: въ театрѣ—пародъ, публика, стадо, женщины, фарисей, ревунъ, демократы, ближній, со-человѣкъ, тамъ личная совѣсть подпадаетъ пивелирующему началу большинства. Какъ видите, въ этомъ смыслѣ я устроены совсѣмъ антитеатрально, совсѣмъ не такъ какъ Вагнеръ, этотъ настоящій человѣкъ театра, актеръ, даровитѣйшій мимоманъ изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ, да *кромя* того еще и музыкантъ!... Нѣтъ!... кто въ самомъ себѣ имѣетъ достаточно трагедій и комедій, конечно предпочтетъ не ходить въ театръ; или, если пойдетъ въ видѣ исключенія, то все, включая сюда и пьесу, и публику, и автора,—будетъ ему *его собственною* трагедіей и комедіей, такъ что мало выдетъ для него значенія, какая пьеса ставится въ данный вечеръ. Если я правильно понимаю вашу «театръ для себя», то это—*аскетическій* театръ, такъ какъ аскетическій идеалъ, которому, по-моему, слѣдуетъ вашъ театръ, возникаетъ изъ инстинкта защиты и спасенія выраждающейся жизни, которая всяческими средствами ищетъ удержаться и борется за свое существованіе. Аскетическій жрецъ—это вопло-

вшееся желанье «быть инымъ» «быть въ иномъ мѣстѣ»... Не такъ-ли вы, какъ авторъ «театра для себя»?

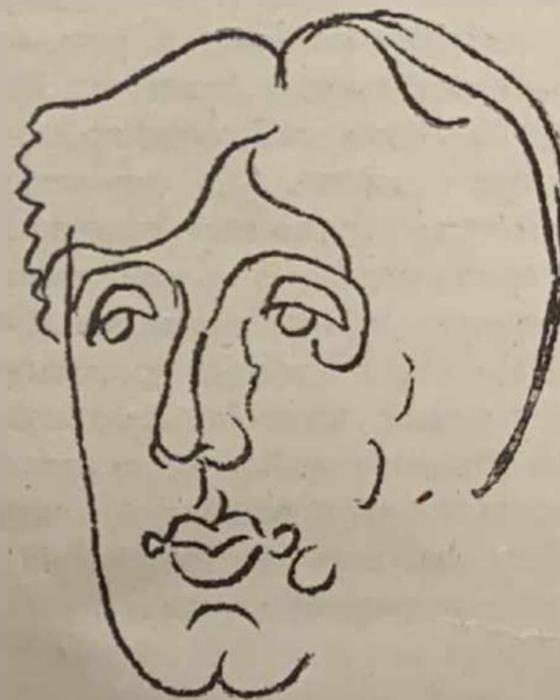
Евреиновъ (покорно). Вамъ виднѣе, маэстро!

Ницше. Во всякомъ случаѣ я радъ привѣтствовать появленіе этой идеи именно въ Россіи, этомъ огромномъ, срединномъ государствѣ, гдѣ начинается отливъ Европы въ Азію,—государствѣ, достигшемъ величайшей и удивительнѣйшей силы воли, которая, откладываясь и накопляясь съ давнихъ поръ, грозно ждетъ, чтобы стать свободной. Я привѣтствую Россію какъ ученикъ Достоевскаго, привѣтствую какъ славянипъ изъ рода графовъ Ницвихъ, лишь случайно родившійся на этой ненавистной мнѣ «германской низменности».

Евреиновъ. Радъ слышать это отъ славнѣйшаго изъ германскихъ подданныхъ въ великую годину торжества славянства.

Уайльдъ (иронически щура на меня глаза). Если вы ищите подтвержденія своей идеи у авторитетовъ, брошу въ пользу вашего

«театра для себя» слѣдующія мысли:—Во-первыхъ мнѣ кажется, что и безъ аскетическаго идеала мистера Ницше можно призвать, что воображеніе пъ самомъ дѣлѣ должно распространять вокругъ себя одиночество, такъ какъ именно въ уединеніи и молчаніи оно работаетъ лучше всего. Боги живутъ такъ: они или размышляютъ о своемъ собственномъ совершенствѣ, какъ говоритъ памъ Аристотель, или, какъ воображалъ Эпикуръ, наблю-

присутствующіе, хотя видно было, что всѣмъ сдѣлалось скучно, какъ и полагается, усердно хвалили глубокомысленное произведеніе Бетховена. А между тѣмъ пѣсня бабъ была настоящее искусство, передавшее опредѣленное и сильное чувство, соната-же Бетховена была только неудачная попытка искусства, не содержащая никакого опредѣленнаго чувства. А вотъ другой примѣръ!—Помню, видѣлъ я представленіе Гамлета Росси, и самая трагедія, и актеръ, игравшій главную роль, считаются нашими критиками послѣднимъ словомъ драматическаго искусства. А между тѣмъ я все время испытывалъ и отъ самаго содержанія драмы, и отъ представленія то особенное страданіе, которое производятъ фальшивыя подобія произведеній искусства. И недавно я прочелъ рассказъ о театрѣ у дикаго народа вогуловъ. Однимъ изъ присутствовавшихъ описывается такое представленіе: одинъ большой вогулъ, другой маленькій, оба одѣты въ оленья шкуры, изображаютъ одинъ—самку оленя, другой—дѣтеныша. Третій вогулъ изображаетъ охотника съ лукомъ и на лыжахъ, четвертый голосомъ изображаетъ птичку, предупреждающую оленя объ опасности. Драма въ томъ, что охотникъ бѣжитъ по слѣду оленьей матки съ дѣтенышемъ. Олень убѣгаютъ со спены и снова прибѣгаютъ. Такое представленіе происхо-

дитъ въ маленькой юртѣ. Охотникъ все ближе и ближе къ преслѣдуемому. Оленокъ измученъ и жметъ къ матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотникъ догоняетъ и цѣлится. Въ это время птичка ищетъ, извѣщая оленей объ опасности. Олень убѣгаютъ. Опять преслѣдованіе, и опять охотникъ приближается, догоняетъ и пускаетъ стрѣлу. Стрѣла попадаетъ въ дѣтеныша. Дѣтенышъ не можетъ бѣжать, жметъ къ матери, мать лижетъ ему рану. Охотникъ натягиваетъ другую стрѣлу. Зрители, какъ описываетъ присутствующій, замираютъ, и въ публикѣ слышатся тяжелые вздохи и даже плачь. И я, по одному описанію, почувствовалъ, что это было истинное произведеніе искусства.

Евреиновъ. То радостное, что вы говорите, дорогой Левъ Николаевичъ, любой философъ можетъ смѣло назвать пролегоменами къ апологіи «театра для себя». Я такъ и сдѣлаю.

Толстой. Если вы подъ «театромъ для себя» подразумеваете область искусства простыхъ, доступныхъ всѣмъ чувствъ, область огромную и почти еще нетронутую, то вы конечно правы, всячески ратую за такой «театръ». Взять хотя-бы огромную область дѣтскаго искусства: шутки, пословицы, загадки, пѣсни, пляски, дѣтскія забавы, подражаніе,—все то, что не признавалось до сихъ поръ достойнымъ предметомъ искусства! А между тѣмъ, въ своихъ самыхъ примитивныхъ формахъ, это—искусство, и искусство, требующее серьезнаго къ себѣ отношенія!... Насколько подобное отношеніе важно напр. для очарованія дѣтской шры, видно хотя-бы изъ такого случая... Впрочемъ, вы навѣрно его знаете... читали...

Евреиновъ. Расскажите, Левъ Николаевичъ!...

Толстой. Я-же описалъ въ свое время эту поучительную исторію.

Евреиновъ. Напомните!

Толстой (улыбаясь). До сихъ поръ съ умиленіемъ ее вспоминаю... Было это въ раннемъ дѣтствѣ... Сѣли мы какъ-то на землю и,

Ерцимов. И оно будет вынуждено обратиться къ «театру для себя», какъ къ *последнему прибежищу*. (Послѣ паузы). Вы молчите, Левъ Николаевичъ! я принимаю это за знакъ согласія. (Толстой добродушно посмѣивается).

Л. Андреевъ (обращается ко мнѣ, нервно закуривая папироску). Когда пришла вамъ въ голову идея «театра для себя»?

Ерцимов. Давно. Книга-же подъ этимъ заглавіемъ объявлена «готовящейся къ печати» въ 1912 году на послѣдней страницѣ вышедшей изъ печати въ томъ-же году моей книги «Театръ, какъ таковой»...

Л. Андреевъ. Знаю.

Ерцимов. Мнѣ очень грустно было слышать, что вы какъ будто отрешиваетесь отъ театра игры.

Л. Андреевъ. Я отнюдь не врагъ вообще комедіи игры... Хорошо все то, что хорошо. Когда предо мною идетъ комедія игры и меня откровенно приглашаютъ вѣрить, я могу это сдѣлать, если захочется: такъ вѣрить ребенокъ, когда ему хочется играть, что вотъ этотъ стулъ лошадь. Я и самъ не прочь поиграть! Да и игралъ! игралъ однажды въ своей жизни съ большимъ увлеченіемъ. Было это въ Москвѣ, послѣ маскарада, устроеннаго художниками. Скучно тамъ было до слезъ,—какъ бываетъ на всѣхъ маскарадахъ. И вотъ Сацъ, Илья Александровичъ, знаете его?

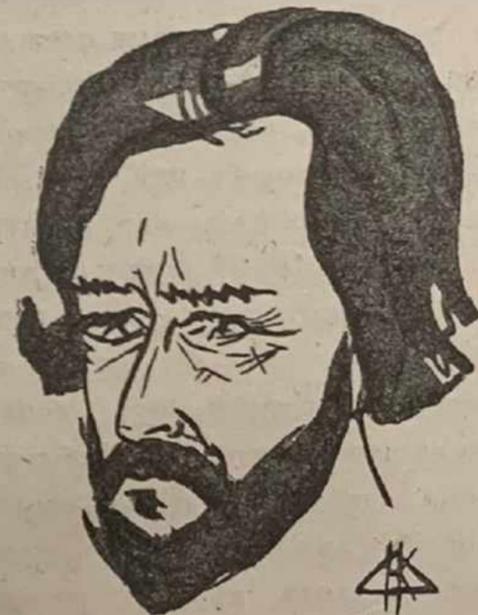
Ерцимов. Какъ-же, покойный былъ моимъ большимъ другомъ, съ которымъ связывала насъ не только музыка, но и многое другое, начиная съ общности друзей и враговъ... Насколько мы были дружны, говорятъ хотя-бы тотъ фактъ, что свою послѣднюю ночь пребыванія въ Петербургѣ онъ цѣликомъ, съ полуночи до 6 ч. утра, провелъ у меня съ глазу на глазъ.

Л. Андреевъ. Странно, что его нѣтъ сейчасъ съ нами!—у васъ сегодня такое интересное общество, что...

Ерцимов (перебивая). Сацъ всегда и всюду опаздывалъ. Это былъ въ его жизни столь характерный для него недостатокъ, что,

я думаю, и послѣ смерти онъ не могъ съ нимъ разстаться безъ ущерба для своей индивидуальности. Ну а что это была за необыкновенная индивидуальность...

Л. Андреевъ. Объ этомъ я кстати и хочу рассказать. Итакъ Сацъ, тоже бывшій на этомъ маскарадѣ, позеленѣвшій отъ скуки, испуганнымъ шепотомъ предложилъ мнѣ и нѣкоторымъ артистамъ Художественнаго тетра—удрать.—«Поѣдемте ко мнѣ,—шепталъ онъ,—тутъ недалеко, что-нибудь сдѣлаемъ, повеселимся! Я не могу!».. Поѣхали. Но сразу оказалось что-то совсѣмъ странное: пустая, огромная и ужасно холодная, повидимому, въ тотъ день нетопленная комната и полное отсутствіе чего-нибудь веселящаго, не нашлось даже и горячаго чаю погрѣться,—поздно! Сацъ былъ смущенъ, бормоталъ что-то, засматривалъ въ углы и вдругъ нашелся: досталъ откуда-то маленькихъ восковыхъ свѣчей отъ елки и съ нашей помощью палѣпилъ ихъ всюду—на подоконники, на столы, на рояль. Стало совсѣмъ странно-и какъ будто весело. И вотъ тутъ, дальше, началось то особенное и милое, о чемъ

до сихъ поръ я вспоминаю съ радостью: мы *вст* начали играть. Было насъ немного: Кипперъ, Москвинъ, Качаловъ, Званцевъ, Леонидовъ, Сацъ и я, и всѣ мы играли: *сами для себя*, публки не было. Данъ былъ только общій планъ: вообразить цѣчто въ высокой степени испанское; и Сацъ импровизировалъ музыку, Званцевъ тутъ-же сочинилъ соотвѣствующій стихотворный текстъ и остальные входили всякій со своимъ. Было нелѣпо, смѣшно,

познанія, для того чтобы подражать тому, что есть характернаго въ самомъ этомъ становленіи. Воспріятіе, мышленіе, языкъ дѣйствуютъ такимъ образомъ. Идетъ-ли дѣло о томъ, чтобы мыслить становленіе, или выразить его, или даже его воспринять, мы совершаемъ не иное что, какъ приводимъ въ дѣйствіе родъ внутреннего кинематографа. Можно такимъ образомъ сказать, что механизмъ нашего обиходнаго познанія имѣетъ природу кинематографическую.

Ницше. Слишкомъ «профессорское» объясненіе!

Бергсонъ. Это ничего не значитъ, если оно доказательно.

Ницше. Вы позагааете?

Бергсонъ. Продолжайте, профессоръ!—я горю отъ нетерпѣнія.

Бергсонъ (послѣ паузы). Итакъ жизнь это театр. Въ самомъ дѣлѣ!—Попробуйте на самое короткое время проникнуться всѣмъ тѣмъ, что говорится и дѣлается, дѣйствуйте, въ своемъ воображеніи, за одно съ тѣми, которые дѣйствуютъ, чувствуйте съ тѣми, которые чувствуютъ, дайте, наконецъ, излиться вашей симпатіи во всей ея полнотѣ и, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, самые легкіе предметы, окружающіе васъ, отяжелѣютъ, и суровый оттѣнокъ ляжетъ на всѣ вещи. Отрѣшитесь затѣмъ отъ всего этого, взгляните на жизнь, какъ равнодушный зритель—и много драмъ обратится въ комедію. Кромѣ этого имѣйте въ виду, что въ дѣйствительной жизни бывають сцены, настолько близкія къ высокой комедіи, что театръ могъ-бы усвоить ихъ, не измѣняя ни одного слова.

О. Уайльдъ. Bravo, bravo! Французскій ученый сразу скажется въ изящномъ остроуміи. Это его отличительная черта отъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Ницше. Если вы имѣли въ виду задѣть меня, то жестоко ошиблись:—я славянинъ.

Бергсонъ. Поразительно, — сколько явленій въ мірѣ можно объяснить чрезъ театр. Вотъ вы коснулись остроумія. А прихо-

дило-ли вамъ въ голову, что *остроуміе*, въ широкоемъ смыслѣ, это известнѣйшій способъ мыслить драматически, опредѣленная способность видѣть вещи *sub specie theatri*? Между тѣмъ, это именно такъ. вмѣсто того, чтобы пользоваться своими идеями, какъ без-

различными символами, остроумный человекъ ихъ видитъ, слышитъ, а главное—заставляетъ ихъ разговаривать между собою, подобно людямъ. Онъ выводитъ ихъ на сцену и самъ отчасти выступаетъ вмѣстѣ съ ними. Остроумный народъ непременно увлекается театромъ. Каждый остроумный человекъ до нѣкоторой степени поэтъ, такъ-же, какъ каждый хорошій чтець отчасти актеръ. Въ тѣсномъ-же смыслѣ подъ остроуміемъ подразумѣвается известная способность набрасывать мимоходомъ комическія сцены, но набра-

сывать ихъ такъ осторожно, быстро и легко, что все кончается прежде, чѣмъ мы успѣваемъ это замѣтить.

О. Уайльдъ. Bravo, cher maître! Это самое остроумное опредѣленіе остроумія!

Бергсонъ. (Бергсону). Слѣдуя вашей трехчастной формулировкѣ выводовъ изъ сегодняшняго colloquium'a, я жду, если вы кончили съ любезно-поучительными добавленіями къ первой ея части, такихъ-же добавленій ко второй.

Бергсонъ. Ваша чисто-режиссерская пріязнь къ порядку отрадна сердцу философа!... Итакъ—о дѣтскихъ играхъ и ребячествѣ. Прибавлю къ сказанному о семъ почтенными коллегами лишь то, что въ большей части нашихъ пріятныхъ эмоцій есть несомнѣнно много такъ сказать *ребяческаго*; и кто знаетъ, не являются-ли

17/11/15

Выздоровливающій.

Каждому изъ насъ,—жертвѣ нескончаемой сутолоки городской жизни,—бываетъ часто странно-радостно, когда внезапное заболѣванье, безъ катастрофической угрозы, приковываетъ насъ къ постели и освобождаетъ отъ этого сонма людей, съ которыми сталкивается насъ ежечасно глупая, шумная жизнь, освобождаетъ отъ нескончаемой бѣготни къ телефону, отъ обязанности принимать неприняемыхъ душой, освобождаетъ, наконецъ, отъ надоѣвшей работы, службы, визитовъ, театровъ и прочихъ прелестей, чье имя «суета суеть».

Но длительная болѣзнь, давъ передышку, томитъ стремленіемъ къ привычному, «суета суеть» вдругъ получаетъ оправданье, брошенные интересы зовутъ поднять ихъ и хочется выздоровленья...

Оно наступаетъ...

И вотъ вы лежите, еще слабый, еще нездоровый, но уже увѣренный, что завтра, послѣ-завтра вы встанете, одѣнетесь, причешетесь, подумаете о галстухѣ, какой надѣть въ этотъ день, о

часами на цѣпочкѣ, украшенной souvenir-брелоками отъ пациен-товъ и съ безукоризненно-чистыми руками. — «Notre cher docteur» — прелюбимѣйшій персонажъ французской театральнѣйшей страши.

Онъ выстукиваетъ васъ такъ преувеличенно—внимательно, волосы его, когда онъ выслушиваетъ ваше дыханье и сердце, пахнутъ такъ мило хорошимъ фиксажаромъ, все обращеніе его съ вами столь вѣжливо, нѣжно и плѣнительно-покровительственно, что даже и «очень больно» перестаетъ быть «очень больно». А то особенное значеніе, какое онъ придаетъ вашему здоровью, стало быть вашей жизни, стало быть всему вашему существованію,—развѣ это не лестно, не мило съ его стороны, не ободрительно для васъ и не щекотно для вашего самолюбія!..

Вотъ ужъ поистинѣ «notre cher docteur»!—и бромъ, и мускусъ въ то-же время!

Онъ констатируетъ, что наука на сей разъ совершенно восторжествовала:—вы здоровы, по, въ виду всего перенесеннаго вами, надо еще пробыть денекъ въ постели, съ той поблажкой, что два часа послѣ завтрака можно посидѣть, хорошо закутавшись, въ креслѣ. Это ужъ не наука разрѣшаетъ, а его доброе сердце и любовь къ непосѣдѣ-больному.

Онъ еще много говоритъ всякой всячины, провѣряетъ, что будетъ на завтракъ и обѣдъ, сообщаетъ двѣ-три сплетни объ общихъ знакомыхъ, бранитъ немножко погоду, высмѣиваетъ послѣднюю статью своего недруга въ медицинскомъ журналѣ, рассказываетъ комическій случай изъ его практики и, попросивъ «для успокоенія совѣсти» еще разъ смѣрить температуру, уѣзжаетъ, ловко зажавъ въ рукѣ вашу бредитку за визитъ.

Горничная спрашиваетъ, подавать-ли завтракъ, сидѣлка освѣдомляется о вашемъ аппетитѣ; вы радуете обѣихъ призываемъ, что аппетитъ превосходнѣйшій, и вамъ сервируютъ «нарочное меню»: манную кашку на сливкахъ съ миндальнымъ ароматомъ,

каплунье филе, киселекъ изъ пять разъ процѣженнаго клюквеннаго сока и чай съ вашимъ любимымъ «Palmer's».

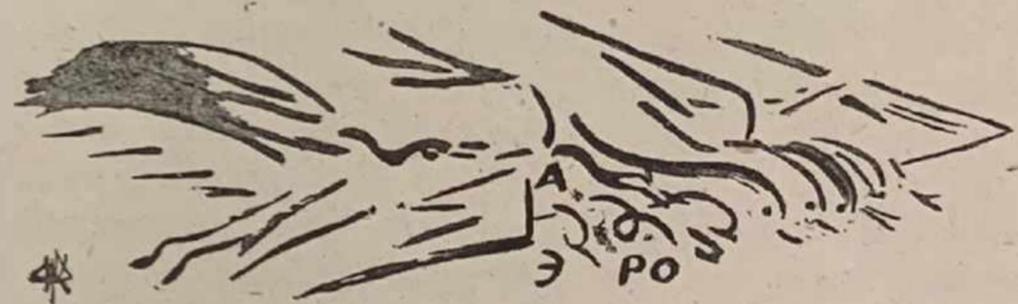
Сидѣлка помогаетъ вамъ перебраться на кресло. Если она хорошенькая, вы говорите ей что-нибудь пріятное и даже игривое, совершенно извинительное въ устахъ выздоравливающаго.

Вы читаете полученные письма, просматриваете журналы, разрѣзаете новую книгу... все *сидя*, (о радость!) *сидя!*..

Черезъ часъ-полтора вы, утомленный, проситесь вздремнуть. Сидѣлка снова помогаетъ вамъ перебраться на постель, и вы снова, если она хорошенькая, можете ей сказать что-нибудь пріятное и даже игривое.

Вы засыпаете, и игра копчена:—штора, которую опустить на окнѣ сидѣлка, сыграетъ роль «падающаго занавѣса».

Не правда-ли обворожительно, когда за вами ухаживаютъ, нянчатся съ вами и подчеркнута-демонстративно берегутъ ваше здоровье?

Авто-куклы.

Какое счастье дарить бѣднымъ дѣтямъ богатая игрушка!

Милыя дѣвушки, красивыя и богатая! Знайте, что на свѣтѣ больше дѣтей, чѣмъ вы думаете, и что самыя несчастныя изъ нихъ тѣ, кому не дарятъ больше игрушекъ.

Поэты на мансардахъ, студенты «недостаточные», мелкіе чиновники и многіе другіе—развѣ это не тѣ-же дѣти и развѣ имъ не нужны игрушки!

Послушайте меня! Вспомните, что не хлѣбомъ единымъ человекъ сытъ бываетъ! Прострите прелесть вашей благотворительности дальше великосвѣтскихъ спектаклей и базаровъ! Узнайте адреса этихъ бѣдныхъ дѣтей (вдвойнѣ бѣдныхъ отъ блейма суровой взрослости!) установите среди нихъ чередъ жребія и обойдите ихъ, подаривъ каждому изъ нихъ часокъ «веселой дѣтской»!

А вы, поэты на мансардахъ, студенты «недостаточные», мелкіе чиновники и многіе другіе, примите ласково посѣтившихъ васъ куколъ и поиграйте съ ними какъ вамъ хочется, какъ во свѣ,

какъ въ новой дѣтской, памятуя всетаки, что кукла вамъ дана не совсѣмъ, а только на время. Не испортите-же ихъ!—

Онѣ придутъ къ вамъ разодртыя въ свои лучшія платьца, причесанныя на парижскій манеръ, въ замѣчательныхъ шляпахъ, съ бантами тамъ всякими, ленточками. На нихъ будутъ хорошенькія, маленькія такія перчаточки, туфельки, чулочки — совсѣмъ какъ настоящіе... Онѣ будутъ чудно пахнуть! у нихъ будутъ подырашенные ротвики, розовые щечки, отрывающіеся и закрывающіеся глазки! Ну словомъ прелесть, что за куколки! Живыя да и только! Если вы ихъ о чемънибудь спросите, онѣ вамъ отвѣтятъ тоненькимъ голоскомъ и отвѣтятъ ласково и даже улыбаясь. Не спрашивайте ихъ только о глупостяхъ и трудныхъ вопросахъ тоже не задавайте.

Посадите ихъ на какое-нибудь хорошее креслице, или на кровать, или на колѣни—это все равно! лишь бы имъ было мягко и хорошо. И тогда вы такъ мило и такъ нѣжно можете поиграть и завиткомъ ихъ волосъ, и бантиками ихъ платья, и ихъ ручками, и ихъ ножками! Если хотите, можно даже раздѣть ихъ, какъ раздѣваютъ куклу, (конечно не совсѣмъ, а только платьице съ нихъ снять!) поиграть кружевами ихъ бѣлья и разными тамъ тесемочками; если онѣ пришли безъ калошекъ и промочили ножки, можете снять съ нихъ чулочки, высушить ихъ и опять надѣть, побравивъ, зачѣмъ ходятъ безъ калошекъ. Вообще мало-ли какія игры можно устроить, когда есть съ кѣмъ играть. Напримеръ возьмите и одѣньте ихъ адакимъ «чортъ меня возьми» студентомъ! Это-же умора! всѣ животики можно надорвать:—«вотъ такъ студентъ». Даже сфотографировать не грѣхъ и на память спрятать.

Не забудьте напоить вашу куклу чаемъ, а завелся лишній гривенникъ,—сбѣгайте для нея за мармеладомъ. Чего скупиться!—кукла въ гости пришла, такъ «знай нашихъ»!

Милыя дѣвушки, красивыя и богатые! убѣдитесь-же скорѣе, что на свѣтѣ больше дѣтей, чѣмъ вы думаете, и что самыя не-

Баль дурного тона.

Начну, сразу взявъ «быка за рога», слѣдуя business—стилю «Обиходной рецелтуры», «Поваренной книги», руководства «Какъ устроить домашній террариумъ» и т. п. литературы.

*Баль дурного тона... *)*.

Берутъ «хорошую залу», гдѣ-нибудь на Васильевскомъ Островѣ, въ Лѣсномъ или на Выборгской сторонѣ, обставляютъ ее «со вкусомъ» поддѣльными пальмами, украшаютъ «очень хорошенькими» бумажными флажками и гирляндами изъ ельнвца, густо натираютъ полъ темно-желтой, одуряюще-пахучей мастикой, приглашаютъ духовой пожарной оркестръ въ половинномъ составѣ, устраиваютъ буфетную стойку съ бутербродами, яблоками, пивомъ, лимонадомъ.

*) Источниками настоящей пьесы послужили «вечеръ дурного тона», устроенный у себя, на квартирѣ, Филимономъ Петровичемъ М—мъ, «мѣщанскій балъ», спроектированный года три тому назадъ Н. И. Бутковской и личное впечатлѣніе, вынесенное изъ посѣщенія одного изъ вечеровъ въ залѣ Пальмы.

что въ концѣ сытнаго, пысканнаго обѣда и десерта такъ необходимо кусочекъ остраго, вонючаго сыра!

Хотите еще примѣръ?—Извольте!

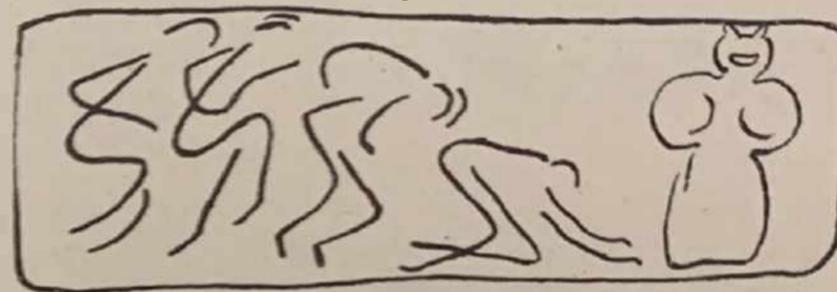
Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Ф. М. Достоевскаго выведенъ помѣщикъ Максимовъ, который «претендуетъ (вчера всю дорогу спорилъ) — рассказываетъ въ Мокромъ Калгановъ, «что Гоголь въ «Мертвыхъ Душахъ» это про него сочинилъ. Помните тамъ есть помѣщикъ Максимовъ, котораго высѣкъ Ноздревъ и былъ преданъ суду: «за нанесеніе помѣщику Максиму личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ—ну помните! Такъ что-жь, представьте, онъ претендуетъ, что это онъ и былъ, и что это его высѣкли!» Грушенька заинтересовывается этой неприличной исторіей («разсказывай, брякнула Грушенька Максиму. — Что-жь вы всѣ замолчали?») и Максимовъ «съ видимымъ удовольствіемъ и капельку жеманясь» начинаетъ разсказывать, какъ его за анекдотъ «про Пирона» «взяли» и «высѣкли». — «Мало-ли пзъ-за чего люди могутъ человѣка высѣчь, кратко и нравоучительно заключилъ Максимовъ» эту невѣроятную, сочиненную имъ самимъ исторію, весь смыслъ которой въ позѣ стыда и связанныхъ съ нею унижительно-сладостныхъ переживаніяхъ.

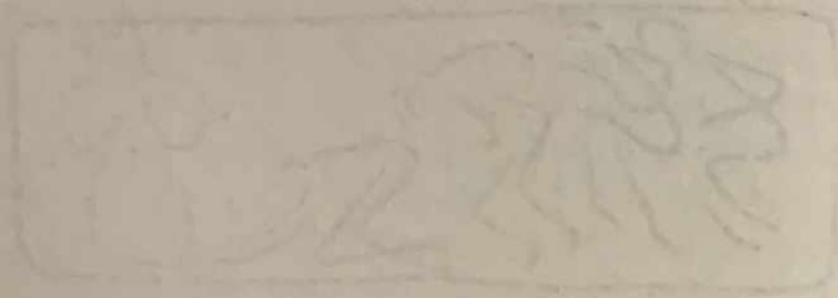
Помѣщику Максиму непременно хотѣлось слыть высѣченнымъ безшабашнымъ Ноздревымъ. Орелъ срама ему необычайно дорогъ: — объ этомъ онъ «вчера всю дорогу спорилъ». Объ этомъ онъ быть можетъ въ сотый разъ разсказываетъ передъ Грушенькой, Калгановымъ и поляками, очутившимися въ Мокромъ.

— «Э, полно, съверно все это», оборвала Максимова Грушенька, — «я думала, что веселое будетъ»... Но для Максимова это самое веселое, что онъ можетъ сочинить о себѣ. Ему нравится, ему нужно, ему очень хочется, если не de facto, то хоть in abstracto, но непременно представить себя въ глазахъ прочихъ высѣченнымъ.

Тотъ, кому не чуждо и даже понятно хвастовство Максимова, такъ-же, какъ понятно и близко радостное переживанье Пьера

Безухаго около разубающагося Коротаева, — тому мой «Баль дурного тона» покажется сладчайшимъ отвроченіемъ новѣйшей драматургіи, вождѣленной трагикомедіей, гдѣ зритель и актеръ одно лицо, одно чувство, одна радость.

Сантиментальная прогулка.

У каждого изъ насъ остались въ памяти эти печальныя встрѣчи съ очень юными дѣвушками, столь беспльно—беспомощными въ пасти огромнаго Города,—встрѣчи съ блѣдными дѣвушками, въ чьихъ глазахъ наше грамотное сердце такъ бѣгло читаетъ скорый приговоръ неумолимой смерти.

Онѣ приходятъ въ этотъ городъ, полныя невпняѣйшихъ надеждъ и чаяній, онѣ приходятъ сюда, чтобъ остановитъ кого-то среди тысячи вѣчно слѣшащихъ къ другимъ и къ другому, чтобы похитить хоть у самой ничтожной частицы этой быстро несущейся лавины часокъ, денекъ, зорьку, ночьку для своего маленькаго нетерпѣливаго сердечка.

Ихъ такъ много, этихъ маленькихъ, нетерпѣливыхъ сердечекъ, и надъ всеми ними вѣкій нимбъ обреченности.

Онѣ слишкомъ хрупки, наивны и глупы для большаго, спящаго, умиаго Города. Онѣ совсѣмъ-совсѣмъ дѣти, прилетѣвшія сюда изъ родительскихъ гнѣздъ своихъ дальнихъ селеній. Онѣ должны здѣсь погибнуть, должны!— у нихъ слишкомъ слабыя крылья слишкомъ мягкіе клювы, слишкомъ незоркіе глазки.

чавшагося Надсона. и, поправивъ цвѣты на украшенной вами
могилѣ, ступайте тихо домой, сообщавъ въ сердцѣ своемъ воз-
вратиться къ ней сюда при первой-же возможности.

Бразильянекое.

—«Я приготовлю вамъ таковаго джю-
леппа, что вы только обляжитесь».

—Благодарю васъ, этого-то мнѣ и
надобно.

(«Квартеронка», Майнъ-Рива).

Сегодня я проведу вечеръ особенно! — Я буду плантаторомъ,
бразильянскимъ плантаторомъ совсѣмъ недавняго проплаго.

У меня знакомая—Настасья Ильинична—креолка по цвѣту лица
и волосъ, креолка по пунцовости губъ и по сдавленной гордостью
страстности.

Потомъ я приглашу мулатку изъ «Акваріума» съ чуднымъ
именемъ Сильваны, готовую веселить *какъ угодно* и, за скромное
вознагражденіе, согласную на самую трудную роль.

Я приглашу еще друга Виктора, брянчащаго на банджо, чело-
вѣка суроваго, не выпускающаго изо рта сигары.

Всѣ четверо будемъ (о! безъ малѣйшей поддѣлки) говорить
на ломанномъ англійскомъ языкѣ, какъ это наблюдается у высо-
чекъ Бразильянской Америки.

Роль распределяются такъ:

Я—плантаторъ,

Кресла (назовемъ ее Габри) моя жена, ревнующая меня къ Спльванъ,

Мулатка Спльвана—моя невольница, недавно купленная въ Новомъ-Орлеанъ.

Викторъ—главный надсмотрщикъ, угрожающій банджо и «гроза чернаго мяса».

Мѣсто дѣйствія—моя столовая.

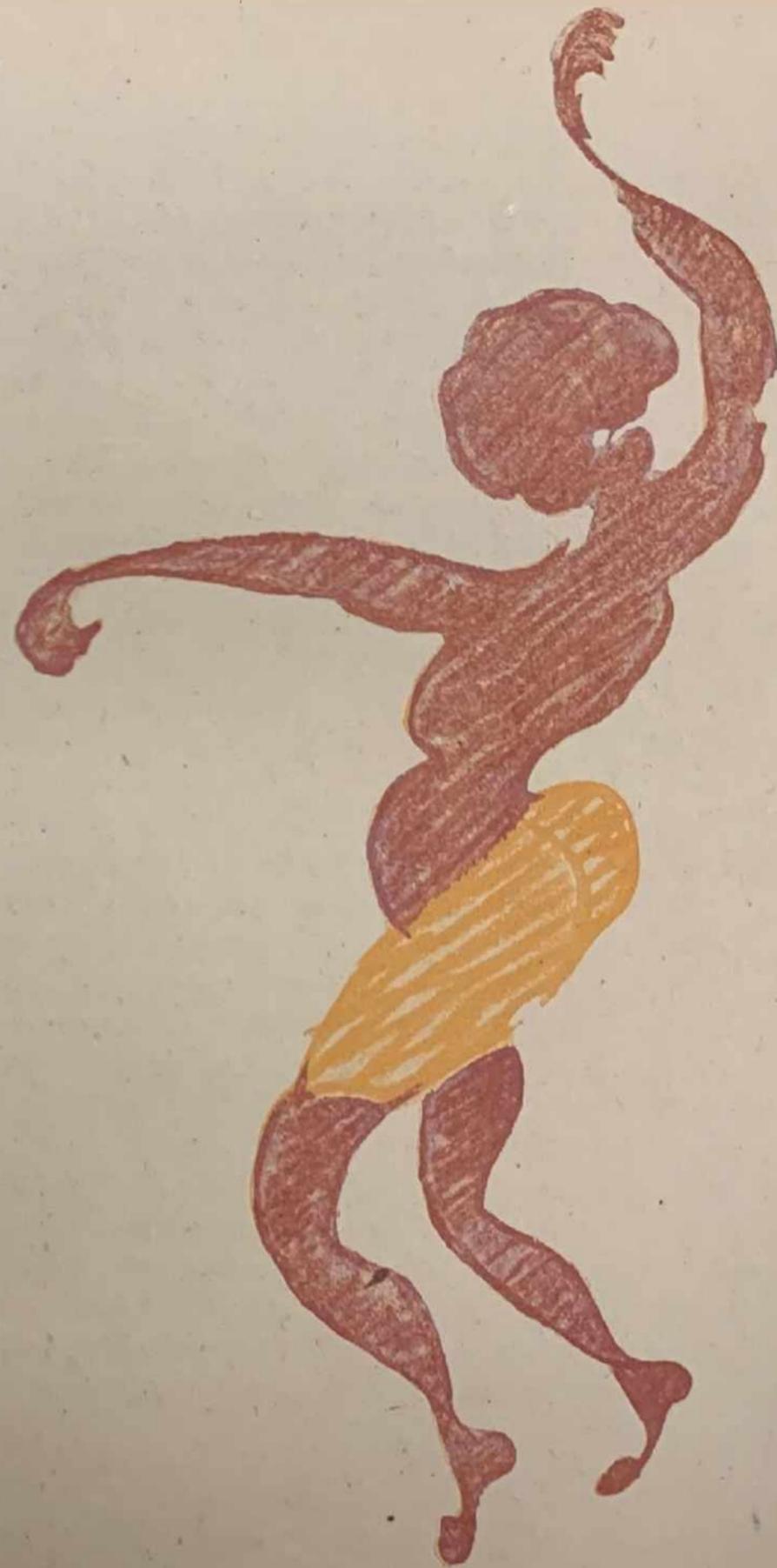
Сильно пахнетъ керосиномъ изъ Пенспльваніи, тускло освѣщающими бутылки рома, арака, ананасы, лимоны, георгійскіе персики, бананы, всякія сласти, сигары и Бразильяиское кофе. На помощь этому свѣту мерцаетъ свѣтъ керосники, на которой все время грѣется вода для адскаго грога изъ арака, которымъ мы заправляемъ съ «женой» пріятную бесѣду. Бесѣда вертится по кругу нарядовъ, которыя Габри собирается заказать на ближайшей праздникъ негровъ, гдѣ будутъ пляски и кривлянья на порожиный прозь (Kake-wok). Она перечисляетъ: «я надѣну на голову то-то, на шею то-то, въ уши такія-то серьги, на руки такіе-то браслеты и кольца, на плечи то-то, на торсъ это, юбку такую-то, чулки такія-то, башмаки эти, перчатки такія-то, кушакъ такой-то, въ правой рукѣ зонтикъ такой-то, въ лѣвой рукѣ хлыстъ такой-то».

Отъ пьянаго разговора о нарядахъ она переходитъ къ пьяному разговору о своей красотѣ.

Мужчины готовятъ джюлей, черри-коблеръ и мятный джюлешиъ.

На хлопанье въ ладоши, Спльвана приносятъ свѣжія пшеничныя соломки для напитковъ и спрашиваетъ, «не это-ли нужно *массъ*», или «что угодно *миссъ*».

Она босая, *manches-courtes*, на лѣвой ногѣ невольничій браслетъ, въ платъ (безъ всякихъ *dessous*) до колѣнъ, изъ продольныхъ полосокъ бѣлыхъ и красныхъ.

падъ естественныхъ правыхъ, мы съедемся падъ добромъ и даже не съедемъ, а ржемъ, ржемъ какъ иванне жеребды, мы — великолѣдныя пегодыя съ безжѣрнымъ презрѣннемъ въ глазахъ!

Викторъ настроилъ банджо. Габри приказала Сильванѣ плясати. «ту-стопъ» пока краска не сотрется съ пола подъ ея голыми подошвами. И Сильвана пляшетъ, Викторъ мучитъ банджо, Габри качаетъ rocking-chairs въ тактъ ту-стопу, а я руками, липкими отъ ананаснаго сока, обнимаю Габри и твержу ей, противоположный, что за башмакъ съ ея ноги я готовъ оплевать двадцать Сильванъ, еще милѣй, чѣмъ эта.

Боже мой, какъ сладко будетъ завтра проснуться трезвымъ, вылакнуть по своимъ подлымъ инстинктамъ и радостно удивиться своимъ способностямъ къ полному расканию!

•Какъ, — спрошу я себя — я негоду съ безжѣрнымъ презрѣннемъ въ глазахъ? Какая чушь! — я честнѣйшій джентльменъ въ подсознательномъ мѣрѣ!...»

И чтобы это доказать себѣ какъ можно яснѣе, я немедленно дамъ ей чай своей прислугѣ, не въ счетъ праздничныхъ, скажу ей, ударяя себя въ грудь, что всѣ люди равны и отпущу ее, несмотря на будни, къ вымышленной «теткѣ»: — пусть и она пользуется полной свободой. Я радъ, я ничего, я даже поощряю...

Ночью, въ каютѣ...

Когда меня однажды попросили назвать лучшихъ декораторовъ въ мѣрѣ, я отвѣтилъ: это я самъ и моя вѣрная помощница — «Госпожа Темнота».

И правда, Темнота (о себѣ распространяться неловко), — это такой декораторъ, который властель надъ фантазіей даже самаго отъявленнаго натуралиста-зоола.

Вотъ ужъ у кого, по русской поговоркѣ: «чего хочешь, того просишь!» Вотъ ужъ при комъ мечтателю не надо ни закрывать глаза, ни поднимать ихъ къ небу!

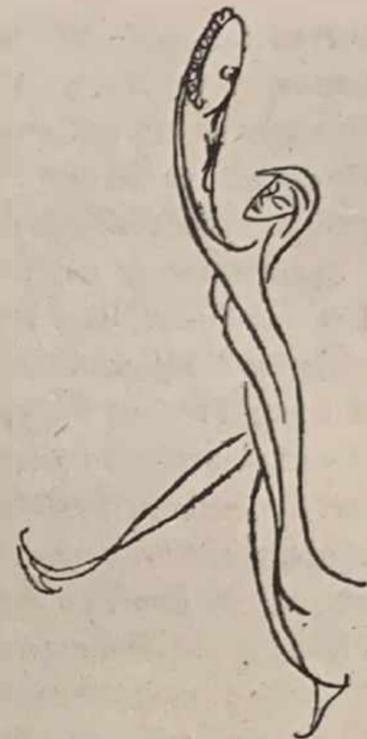
Все возникаетъ въ мастерской Темноты, словно по «щучьему велѣнью»; — стоитъ только захотѣть, — и вы въ залѣ волшебнаго замка, или въ лѣсу, или въ погребѣ, на кораблѣ, въ мрачной темницѣ, въ шахтѣ, въ бударѣ прелестнѣйшей пзъ прелестницъ!

И, Боже мой, какъ стоитъ дешево такой декораторъ-помощникъ, какъ-бы дороги вамъ ни были ваши желанья!

Дѣйствіе происходитъ въ абсолютной темнотѣ и слагается исключительно изъ монолога вашего пріятеля.

Вы лежите на постели, — «морской волкъ» сидитъ на ней, — положенія, наиболѣе соотвѣтствующія въ данномъ случаѣ слушателю и рассказчику.

«Внутренній интересъ» пьесы, ея горячій, вкусный, сытный фаршъ всецѣло зависитъ отъ послѣдняго. Если оня въ этой обстановкѣ не почувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, и не сумѣетъ должнымъ образомъ обратить разсказами о своихъ необычайныхъ приключеніяхъ на морѣ два часа въ двѣ минуты, то это, разумѣется, совсѣмъ не «морской волкъ», а «сухопутный осель», и вы напрасно затратились на бутылку хорошаго рома.

Кейфъ въ гаремѣ.

Великая вещь—умѣнье работать.

Не столь великая вещь, но не менѣе ея важная (хотя-бы для той-же способности работать)—*умѣнье отдыхать*.

Достичь полнаго отдыха!—для этого въ самомъ дѣлѣ нужно умѣнье.

Вы скажете: «кто много работаетъ, тотъ крѣпко спитъ, а кто крѣпко спитъ, тотъ хорошо отдыхаетъ».

Но, во первыхъ, это не абсолютная правда,—что легко доказывается бессонницей отъ переутомленія,—а во вторыхъ я говорю про тѣ случаи, когда человѣку совсѣмъ не до сна (выспался, напимѣрь, или еще не тянетъ ко сну), а отдохнуть «самъ врачъ» предписалъ.

Какъ тутъ быть?

Аптека, которая избрала-бы своею спеціальностью пригото-
вление для всенушних «домашних аптечки» (а ихъ ужь, такъ
много!) *)—подобнаго свадобья, въ хорошо извѣстныхъ алло-
патическихъ дозахъ и лучшаго качества,—нашла-бы, конечно,
милліоны. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Ну а я (вы меня
знаете!)—съ меня довольно было-бы роли «знаменитаго доктора».

*) Помните сіе яснокаательно.

Утонченный Grand-Guigno!

.....
Ф. М. Достоевскій.

Есть масса вещей, въ которыхъ намъ до ужаса совѣстно, до ужаса страшно самимъ себѣ признаться.

Одно представленіе, что кто-то объ *этомъ* узнаетъ, коснется *этого* своею чуждостью да еще (скорѣе смерть!) начнетъ объ *этомъ* распространяться и (ледяной холодъ при одной мысли!) станетъ критиковать, обсуждать, стыдить или поощрять, злодѣйски издѣваясь, о... Тысяча замковъ на дверь моей спальни, чтобы во свѣтъ, вдругъ, ни съ того—ни съ сего, какъ ипобудь, все-таки, тѣмъ не менѣе я не проговорился, а другой (да будь онъ проклятъ!) не подслушалъ!...

Вотъ какія бываютъ вещи на свѣтѣ!

Ужъ такія пятимыя вещи, что мать родная не узнаетъ, духовнику побоюсь признаться, бочку вина выпью—и то себя не выдамъ.

Словомъ «тайна сія умретъ вмѣстѣ со мною» и вы, во вѣки вѣковъ о ней не догадаетесь!

что у васъ руки потѣютъ, но что объ этомъ никто-никому въ мирѣ никто не узнаетъ, такъ какъ вы изъ пудрите какимъ-то «судорнымъ», можете въ укусуной водѣ и т. д. И вдругъ въ театрѣ, гдѣ цѣлый хвостъ вашихъ поклонниковъ и цѣлый рой вашихъ завистницъ, кто-то нагло, спокойно, очень серьезно, громко и отчетливо произноситъ: «господа, такая-то скрываетъ, что у нея руки вѣчно потныя, она воображаетъ, что ужъ такая неземная, а на самомъ дѣлѣ въ ящикѣ ея комода, сзади, тамъ-же, гдѣ положены прошлогоднія бальныя туфли, находится жестянка, а на жестянкѣ надпись «судоринъ». Это отъ пота, господа! Она смѣло можетъ рекомендовать вамъ это средство, такъ какъ у нея, даю вамъ честное слово, руки потѣютъ. А вотъ пускай она вамъ дастъ честное слово, что это неправда!...

Повторяю, — это невнятный примѣръ; такъ сказать тѣнь тѣни той дѣйствительности, какую властенъ обѣщать вамъ нашъ наглый «незнакомецъ».

Вы и не помыслите при немъ о распросахъ, зачѣмъ-же ему это нужно, какія ему отъ этого польза, что вы ему сдѣлали такого, чтобы... Вѣдь людямъ доставляетъ такое колоссальное удовольствіе дѣлать гадости другому и... (здѣсь зарыта собака), когда нѣтъ храбрости, нѣтъ возможности сдѣлать гадости другому, ну хотя-бы себѣ, самому себѣ сдѣлать гадость, даже и не сдѣлать пожалуй (уступак), а помечтать объ этомъ, раззодорить себя на мечтѣ, съинсценировать эту гадость мысленно, обратить ее силой воли къ театру въ такую видимость дѣйствительности, что небу тошно станетъ...

Конечно, для простаго, здороваго, свѣтскаго-здороваго человѣка (адакого спортсмена съ мѣднымъ збомъ) все это чепуха невозможная, немислимая, недосыгаемая. Знаю и не прекословлю. Разумѣется, такой «театръ для себя» не для краснощекихъ футболистовъ, спящихъ сномъ животной невинности. Это, какъ я (пави-пяюсь), назвалъ, «утонченный Grand-Guignol»! *у-тон-чен-ный,*

слѣдовательно прпверженцамъ опстемы доктора Мплера онъ прп-сталъ какъ къ коровѣ сѣдло. Желаю и впредь имъ здравствовать, дарить насъ здоровымъ потомствомъ, устраивать атакія образцовыя санаторіи на началахъ послѣдняго слова гигиены и т. п. Самъ, если въ конецъ сдрейфлю, на колѣнкахъ приползу къ нимъ лѣ-читься и во всей своей чепухѣ денно и ночью каяться. А пока (хе, хе!) да здравствуетъ мой Grand-Guignol во всей своей пре-утонченности. Въ болѣзни родился я, въ болѣзни живу, въ болѣзни и скончаюсь. А вы .. будьте здоровы, господа, будьте здоровы! отъ души желаю, честное слово! Ужъ вы простите за чепуху, не осудите больного!

глубже понимать Рабля, сказавшаго устами своего Пантагрюэля, что «безумный нерѣдко научаетъ мудраго».

Послѣ всего сказаннаго должно быть понятно, что бываютъ шуты и «шуты»,—потѣшники *невольные* и *добровольные* *).

Я началъ съ восхваленія первыхъ, какъ интересно—допустимыхъ объектовъ въ «театрѣ для себя», при созывѣ гостей для веселаго препровожденія времени. Но что вторые (добровольные шуты) много желаниѣй,—въ томъ нѣтъ сомнѣннѣя для того, кто всякое «навѣрняка» предпочитаетъ въ театрѣ случайности.

Мнѣ даже приходитъ въ голову:—кто любитъ подышать часокъ-другой старинкой, отчего-бы тому не попробовать съинсценировать дома званннй «обѣдъ съ шуткомъ», *традиціонно одѣтымъ*, традиціонно ошарашивающимъ при встрѣчѣ гостей, традиціонно потѣшающимъ ихъ за обѣдомъ, а послѣ обѣда разыгрывающимъ all'improvviso (или почти all'improvviso, въ интересахъ «навѣрняка») нѣсколько сценокъ, слишкомъ интимныхъ и дерзкихъ, чтобъ быть когда-нибудь разыгранными на публичныхъ подмосткахъ.

Почему я предлагаю именно «обѣдъ съ шуткомъ»?—Да потому, что это существенная и начальная часть пира, влекущая за собой у добрыхъ хозяевъ «вечеринку» и «ужинъ». Къ тому-же Эразмъ Роттердамскій въ «Похвалѣ глупости» влагаетъ ей въ уста и такой *raison d'être*: «Безъ приправы глупостей нѣтъ веселья. Это до такой степени вѣрно, что, если не хватаетъ человѣка, который-бы потѣшалъ компанію дѣйствительной или притворной глупостью, то либо приглашаютъ наемнаго смѣхотвора, либо допускаютъ къ себѣ какого-нибудь смѣшного блюдолиза, для того чтобъ онъ смѣшными, то-есть глупыми словозверженіями, нарушалъ молчаніе и разгонялъ скуку собутыльничковъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой былъ-бы толкъ отъ набиванія желудка столькими

*) «Все смѣшное.—учитъ Шопенгауэръ—это или остроумная выдумка, или глупый поступокъ. Выдавать же острогу за глупость—составляетъ искусство при дворницѣ шуткомъ (см. «Миръ какъ воля и представленіе» т. I книга I, § 13).

завусками, сластями и лакомыми блюдами, если-бы въ то же время не улаждались одинаково и зрѣніе, и слухъ, наконецъ, вся душа—смѣхомъ, шуткамъ».

Роль шута можетъ взять на себя любой изъ дружески расположенныхъ къ вамъ «остроумцевъ», чуждыхъ предразсудковъ и внемлющихъ идеѣ «театра для себя» даже тогда, когда его буффонность грозитъ рискомъ скандала при хлесткой обидѣ.

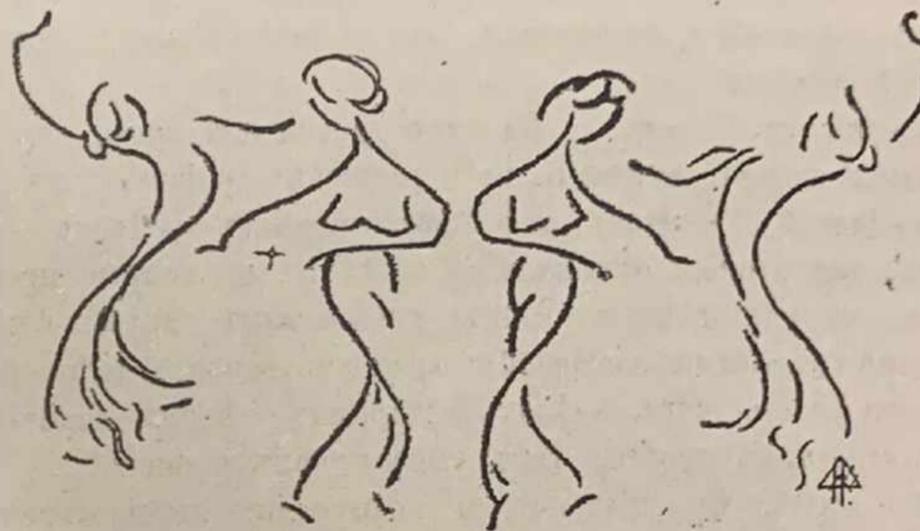
Если не найдется среди вашихъ друзей столь самоотверженнаго, съинсценируйте «обѣдъ съ шуткомъ» у вашего пріятели, взявъ главную роль—*роль шута*—на себя.

Удѣлите предварительно время, чтобъ хорошенько вспомнить, раз-

спросить и поразмыслить обо всѣхъ слабостяхъ, странностяхъ и смѣшныхъ сторонахъ приглашенныхъ гостей;—вашъ лукъ, какъ у Терсита, будетъ знать тогда, въ кого какую стрѣлу направить и съ какою силой. Костюмъ можете взять на прокатъ-хоть у Лейферта!

Костюмъ дастъ вамъ развязность, а во всемъ остальномъ неизбежно чреватомъ случайностями, вызывающими къ быстрымъ экспромптамъ, да помогутъ вамъ Мэтэ, Апеція, Апоя, Трюфэ и Комосъ, равно какъ и вѣчныя спутницы истаго угодника веселыхъ небожителей—Эвтерпа, Талія и Полигимнія!

Счастливая Аркадія.

«Ты, козодѣй, на коварныя выдумки
дерзкій, не можешь,
Даже я въ землю свою возвращаясь
оторваться отъ тѣмной
Лжи и отъ словъ двоямысленныхъ
съ молодю къ нимъ пріучив-
шись». (Одиссея).

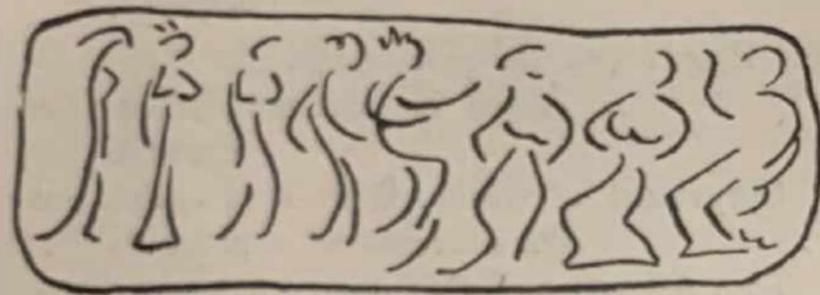
Если придать самому обыкновенному времяпровожденію нѣкую сценическую форму и стиль,—оно немедленно превратится изъ скучнаго, быть можетъ даже нуднаго, въ интересное и увлека-тельное.

Вы, конечно, знаете эти жаркіе лѣтніе дни на дачѣ, или въ деревнѣ, когда, изнемогая отъ зноя и лѣтня, такъ усладно лежать гдѣ нибудь вдаль отъ людскаго жлѣя, въ тѣни деревьевъ, бус-товъ, на зеленомъ холмикѣ, около студеной, милой рѣчки или около озера, со стеклянной водой, нескрывающей дно?...

Однако, и такая усладность можетъ истощиться отъ нѣкой безпредметности.

вышелъ театръ расчудеснѣйшій, а у взрослыхъ—и затратятся порой, и замучаются, и застрахуются, времени Богъ вѣсть сколько убьютъ, а глядишь на результатъ:—не художественно-литературно-драматическій театръ, а дрань дранью и плюнуть не на что.

Такъ-то.

Притѣрка смертей.

Изъ записной книжки (d' inachevee).

Все кажется доволеннымъ въ этомъ огромномъ снѣ. все, кромя того, что могло бы остановить полетъ нашихъ грезъ.

Метерлинка.

Поворно выбираю смерть,
Какъ выбираютъ апельсины.

Белоръ Солоубъ.

1.

Шутъ и... Смерть!

Есть-ли на свѣтѣ образы болѣе полярные, полярнѣй взаимопсклю-чающіе?—Молчитъ мое воображеніе!—не знаю.

Шутъ и Смерть!

Человѣкъ и Судьба!

Воля наша и воля Рока!

Самый дерзкій вызовъ Року—это Шутъ предъ ликомъ Смерти.

Шутъ, остающійся шутомъ предъ ликомъ Смерти—величай-шее торжество человѣка! Поборошь страхъ смерти въ рыцарскихъ

Слишкомъ мало примѣровъ?—Въ такомъ случаѣ перечтите «Красиваго деспота»*), эту изумительную пьесу, которая учить такъ просто и такъ вразумительно, какъ поступаютъ мудрые въ трудныхъ случаяхъ болѣзни, т. е. при «хроническомъ» ея состояніи, грозящемъ смертію или сумасшествіемъ.

Безъ ложнаго стыда могу я расточать хвалу этому славному дѣтищу моей драматической музы:—12 лѣтъ уже прошло съ того часа, какъ я далъ ему жизнь!—Достаточная гарантія объективности точки зрѣнія на свое произведеніе.

И я не удивленъ теперь, что эту пьесу встрѣтили громомъ аплодисментовъ даже въ 1906 году! Какъ не удивленъ, что англичане,—эти «просвѣщенные мореплаватели»—въ первую-же голову взяли «Красиваго деспота» въ драматическій сборникъ лучшихъ русскихъ авторовъ! **).

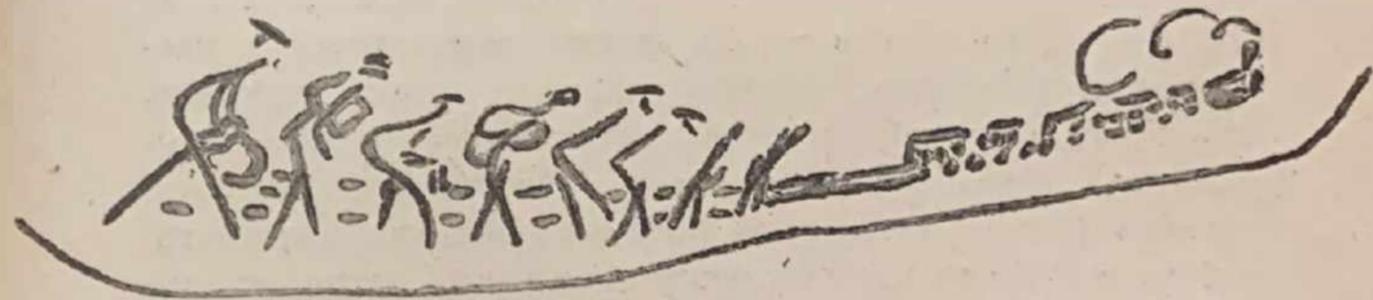
Вѣдь «Красивый деспотъ»—это первый лучъ искусства «театра для себя». Искусства радостнаго, живительнаго и цѣлительнаго, какъ вы, надѣюсь, убѣдились теперь, хоть и притворяетесь не убѣжденными.

Но «притворство»!—могу-ли я сердиться на васъ изъ-за него! Я,— всю жизнь поющій гимны притворству, маскѣ и котурнамъ, возвышающимъ насъ хотя-бы въ собственныхъ глазахъ!

*) Изд. А. С. Суворина 1907 г. (полностью), изд. журнала «Театръ и Искусство» 1907 г. (съ карандашными купюрами). См. также въ I-мъ томѣ собранія моихъ драматическихъ произведеній изд. 1908 г. Представлена впервые на сценѣ «Малого Театра» (въ Петроградѣ) 16 декабря 1906 г. въ постановкѣ Е. П. Карпова.

***) Five russian plays, перев. С. Е. Beechhofer (см. *The beautiful despot*). London Kegan Paul, Trench, Trubner & Co LTD изд. 1916 г.

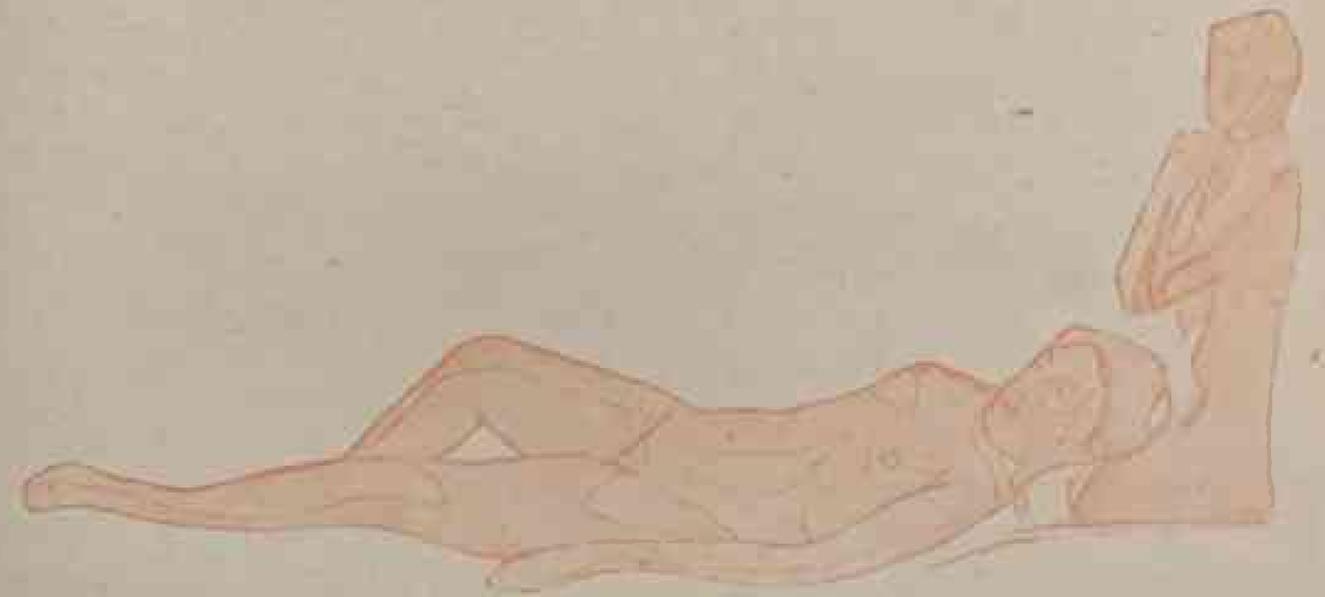

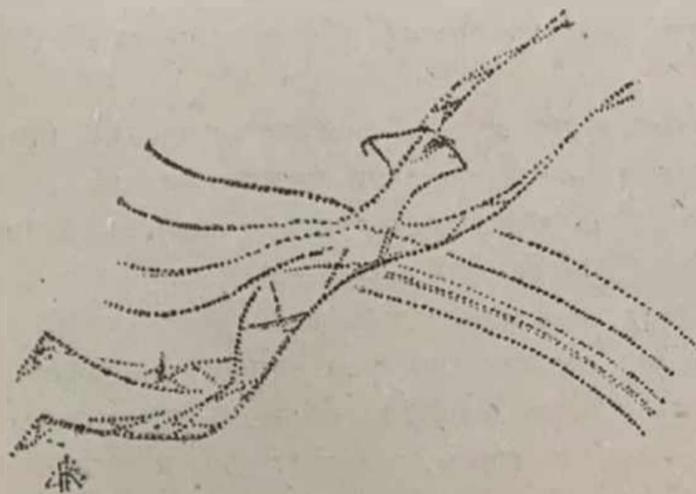
Туристы въ Петроградѣ.

Чтобы возвратить интересъ къ надоевшему предмету, надо найти подходъ къ нему, новые глаза для него. Нуженъ актъ преображенія не предмета, а насъ самихъ въ отношеніи къ нему. Понять это, значить пойти вълючь ко многимъ и многимъ радостнымъ превращеніямъ окружающаго насъ. Значить, найти «волшебную палочку».

Возьмемъ, напримѣръ, такой предметъ, какъ городъ, гдѣ мы прожили длинный рядъ лѣтъ,—городъ, какъ-будто, любимый нами («хорошій городъ,—словъ нѣтъ»), но и наскучившій-же намъ за этотъ длинный рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ мы просто перестали замѣчать его и всѣ его особенности, какъ перестали замѣчать нашъ старый любимый халатъ, его цвѣтъ, покрой и узоры.

Вотъ, скажемъ, Петроградъ... Для того, кто зажился въ столицѣ, она положительно становится [незамѣтной! Словно существуетъ она и не существуетъ, и есть и нѣтъ въ одно и то же время.—Всталъ, пошелъ на службу, вернулся, пообедалъ, поспалъ, потомъ въ гости, засѣлъ въ винтъ (изрѣдка въ церковь, въ клубъ, въ театръ), опять дома, легъ спать, утромъ всталъ, пошелъ на службу и т. д. Мысли заняты «текущими дѣлами»,

Поученія, къ обрядамъ относящіяся.

I.

Когда ты идешь на свадьбу друга, сдѣлай лицо свое розовымъ, а волосы блестящими.

Выпей немного, потому что умѣстны масляные глаза, когда смотрятъ на мужчину и женщину, хотящихъ раздѣлить ложе.

И пусть губы твои будутъ пунцовыя, полуоткрытыя и улыбающіяся завистливо-дружественно.

Надушись чѣмъ-нибудь пріятнымъ, прянымъ, нѣжашимъ и возбуждающимъ.

Будь громокъ, и если начнутся танцы, пляши такъ рѣзво и съ такимъ задоромъ, чтобы невѣста и черезъ сто лѣтъ не забыла, какая веселая вышла свадьба.

ловъ и прочихъ предметовъ, вычтенныхъ въ отдѣльности, но властныхъ вкушѣ дать приблизительно то-же, что даетъ смѣшеніе *бессильныхъ* въ отдѣльности химическихъ элементовъ—*мнемоническій азрыог!*

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Я-бы очень желалъ, чтобы мнѣ удалось ясностью изложенія одолѣть свойственную содержанію этихъ мыслей тьмоту; но я очань хорошо вижу, что ко мнѣ должно прійти на помощь собственное размышленіе читателя, для того чтобы я былъ понятъ вообще и понятъ правильно.

Шопенгауэръ («Миръ какъ воля и представленіе» т. I, кн. I. § 27)

Конецъ!

Представленье сыграно...

Занавѣсъ падаетъ...

Любезный Docteur Prolocuteur объяснилъ, при взвѣтїи занавѣса, о чемъ будетъ рѣчь впереди, давъ сильное *отредѣленіе* тому, что послужило названьемъ всему цѣлому.

Онъ говорилъ очень кратко, этотъ мудрый «докторъ»!—Онъ помнилъ конечно, что значеніе пролога не простирается за рамки помощи въ ориентировкѣ и, будемъ надѣяться, звалъ, что такое исключительно-сложное явленіе, какъ «театръ для себя», вообще не можетъ быть *словами* всесторонне охвачено, исчерпывающе опредѣлено, ясно формулировано и конспектно-резюмировано.

Для усвоенія существенно-основного, того неопредѣлимо-большого, въ чему данный прологъ, въ своихъ разиѣрахъ и значеніи, относятся такъ-же, какъ указательный палецъ Колумба въ откры-

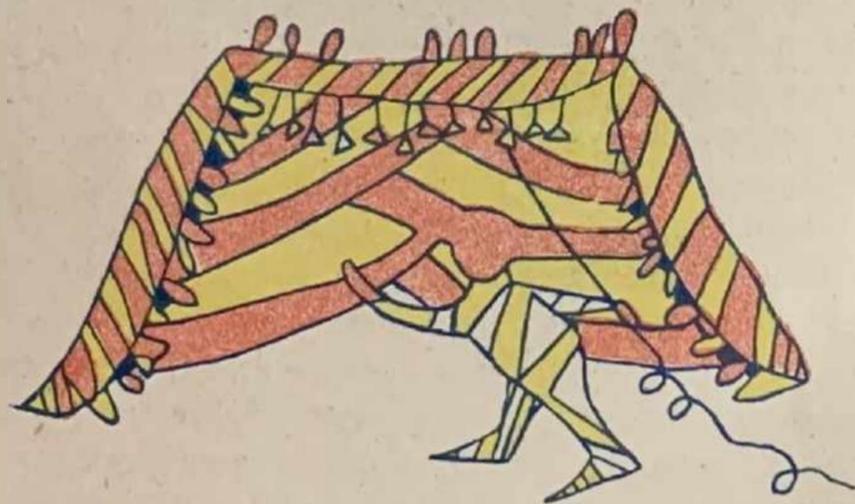
той имъ. Америкѣ, — для этого пужна настоящая магія дѣйства на большой аренѣ, властной вмѣстить на своемъ протяженіи весь ensemble отдѣльныхъ мыслей и чувствъ въ ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ, поддержкахъ, дополненіяхъ, контрастахъ и сплетеніяхъ. Словомъ — нужно подлинное представленіе съ умѣло-даванными актрисами, представленіе съ возможно-мастерскимъ развитіемъ отдѣльныхъ положеній и непременно со всѣми перенитіями наиболее важныхъ, показательныхъ, капризныхъ и рискованныхъ моментовъ въ этихъ положеніяхъ.

Такое представленіе и дано на всемъ протяженіи настоящей книги-арены.

И теперь, когда «занавѣсъ упалъ», публикѣ предоставляется самой разобраться во всемъ здѣсь происшедшемъ съ мысле-чувствомъ «театра для себя».

Авторъ рѣшительно уклоняется отъ эпилога.

Въ концѣ концовъ позвольте ему не быть навязчивымъ хоть въ заключеніи произведенія, основная идея котораго должна, и безъ дальнѣйшихъ услугъ автора, стать «навязчивой идеей» каждого, ее познаваемаго.

58.69.1.25-3

ЕВРЕИНОВЪ. ТЕАТРЪ ДЛЯ СЕБЯ.

ЧАСТЬ

III

1621

И.Кульбинъ. 1917

38.69.1.25-3

Валентин
М. М. М.

38.69.1.25

Н. ЕВРЕИНОВЪ.

ТЕАТРЪ ДЛЯ СЕБЯ.

Часть третья.

(Практическая).

РИСУНКИ Н. И. КУЛЬБИНА.

ИЗДАНИЕ Н. И. БУТНОВСКОЙ. ПТГ., ОФИЦЕРСКАЯ, 60

ИЗДАТЕЛЬСТВО